

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

Модус времени как лингвистическое понятие: к вопросу о средствах языковой репрезентации в художественном тексте

Чжао Ситун¹, Ольга Петровна Кормазина²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ chzhao.sit@dvfu.ru

² kormazina.op@dvfu.ru

Аннотация

Исследования модуса как лингвистического понятия имеют давнюю традицию: на сегодняшний день подробно раскрыто его содержание, выявлены различные модусные категории. При этом понятие «модус времени», берущее истоки из таких научных направлений, как философия и социология, в лингвистике изучено относительно мало, несмотря на то что рядом исследователей уже предприняты попытки проанализировать данный феномен применительно к различным дискурсивным сферам. Цель данной статьи – выяснить, какие языковые средства репрезентируют специфику модуса времени в художественном тексте. Материалом исследования послужили произведения Наринэ Абгарян, армянской русскоязычной писательницы, одного из ярких представителей современной женской прозы: романы «Люди, которые всегда со мной» (2014), «С неба упали три яблока» (2015), «Симон» (2020), а также сборник рассказов «Люди нашего двора» (2021). В качестве ключевых языковых средств репрезентации модуса времени в статье рассматриваются «ядерные» лексические единицы: собственно лексема «время», а также «прошлое», «настоящее» и «будущее». Кроме того, анализируются контекстуальные особенности употребления темпоральных наречий, наиболее показательными среди которых являются наречия «навсегда», «долго», «давно», «когда-то», «раньше», «когда-нибудь», «скоро». Делается вывод, что время является значимой составляющей произведений Н. Абгарян, специфика репрезентации модусов времени отчетливо отражает особенности авторской языковой картины мира. Ключевую роль в повествовании играет модус прошлого: прошлое оказывается одним из главных факторов, влияющих на настоящее и будущее героев; при этом на первый план выходит отрицательная оценка прошедших событий в восприятии героев и положительная – в восприятии самого автора. Модусы настоящего и будущего представлены в меньшей степени, зачастую только в сопоставлении с прошлым, однако отчетливо прослеживается тенденция к положительной оценке модуса будущего и героями, и непосредственно автором произведений. Отмечается перспективность предпринятого исследования, являющегося одним из этапов в разработке комплексного алгоритма описания модусов времени в художественном тексте, что в свою очередь служит вкладом в изучение языка современной русской прозы.

Ключевые слова: время, модус времени, прошлое, настоящее, будущее, художественный текст, Наринэ Абгарян

Для цитирования: Чжао Ситун, Кормазина О. П. Модус времени как лингвистическое понятие: к вопросу о средствах языковой репрезентации в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 4 (234). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Mode of time as a linguistic concept: to the question of language representation in the literary text

Zhao Xitong¹, Olga P. Kormazina²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ chzhao.sit@dyfu.ru

² kormazina.op@dyfu.ru

Abstract

The study of modus as a linguistic concept has a long tradition: to date, its content has been revealed in detail, and various modus categories have been identified. At the same time, the concept of “mode of time”, which originates from such scientific areas as philosophy and sociology, has been studied relatively little in linguistics, despite the fact that a number of researchers have already made attempts to analyse this phenomenon in relation to various discursive spheres. The aim of this article is to find out what linguistic means represent the specificity of the mode of time in a literary text. The material of the study is the works of Narine Abgaryan, an Armenian Russian-speaking writer, one of the brightest representatives of contemporary women’s prose: the novels “People Who Are Always with Me” (2014), “Three Apples Fell from the Sky” (2015), “Simon” (2020), as well as the collection of short stories “People of our yard” (2021). The article considers the “core” lexical units as the key linguistic means of representing the mode of time: the lexeme “time” proper, as well as “past”, “present” and “future”. In addition, the contextual features of the use of temporal adverbs are analysed, the most indicative of which are the adverbs “forever”, “long”, “long ago”, “sometime”, “earlier”, “someday”, “soon”. It is concluded that time is a significant component of N. Abgaryan’s works, the specificity of representation of time modus operandi clearly reflects the peculiarities of the author’s linguistic picture of the world. The mode of the past plays a key role in the narrative: the past turns out to be one of the main factors influencing the present and the future of the characters; at the same time, the negative evaluation of past events in the perception of the characters and the positive one in the perception of the author himself come to the fore. Modes of the present and the future are represented to a lesser extent, often only in comparison with the past, but there is a clear tendency towards a positive evaluation of the future mode both by the characters and directly by the author of the works. It is noted that this study is one of the stages in the development of a comprehensive algorithm for describing the modes of time in a fiction text, which, in turn, contributes to the study of the language of modern Russian prose.

Keywords: time, mode of time, literary text, past, present, future, Narine Abgaryan

For citation: Zhao Xitong, Kormazina O. P. Modus vremeni kak lingvisticheskoye ponyatiye: k voprosu o sredstvakh yazykovoy reprezentatsii v khudozhestvennom tekste [Mode of time as a linguistic concept: to the question of language representation in the literary text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 4 (234), pp. 7–15 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-4-7-15>

Введение

Одним из ключевых признаков современной антропоцентрической парадигмы, как известно, является так называемый лингвистический экспансионизм, обуславливающий ярко выраженный междисциплинарный характер большинства лингвистических исследований. В свою очередь это приводит к заимствованию различных терминов и понятий из других научных областей: будучи применимыми в сфере языка, они приобретают новый смысл, становятся самостоятельным предметом филологических изысканий. Наше внимание сосредоточено именно на таком междисциплинарном понятии – «модус времени», используемом в различных научных областях, в частности в феноменологии, социологии, лингвистике.

Сам термин «модус» с позиции философии трактуется как определенное свойство, присущее предмету лишь в некоторых его состояниях, и противопоставляется атрибуту как свойству неотъемлемому, присущему предмету постоянно. В свою очередь под «модусом времени» в философских исследованиях понимается прошедшее, настоящее и будущее время, точнее – уникальность их бытия [1]. Отец феноменологии Э. Гуссерль определял время как сущность сознания, а до него Кант связывал формы активности разума и рассудка с различными временными синтезами. Спиноза рассматривал время в качестве модуса мышления: «Чтобы определить длительность данной вещи, мы сравниваем ее с длительностью вещей, имеющих прочное и определенное движение, и это сравнение называется временем. Поэтому время не со-

стояние вещей, но только модус мышления, т. е., как мы сказали, мысленное бытие» [2, с. 25]. В свою очередь с позиции социологии выявляется такое понятие, как парадигма социального времени, в контексте которой жизнь и выживание как одна из ее форм могут анализироваться в трех модусах социального времени: прошлого, настоящего и будущего [3, с. 46].

Наша задача – рассмотреть модус времени как лингвистическое понятие. Отметим, что термин «модус» в лингвистике является уже достаточно устоявшимся. Ш. Балли определял его как один из двух компонентов значения высказывания наряду с диктумом: «...модус – это субстрат представления. Поэтому будем называть модус темой, а диктум – поводом эксплицитного высказывания. <...> Модус и диктум дополняют друг друга» [4, с. 46]. Анализу модусных смыслов, выявлению ключевых модусных категорий посвящено немало отечественных исследований [5–9]. Однако «модус времени» остается на сегодняшний день малоизученным понятием, не имеющим устоявшегося определения. В современных исследованиях оно рассматривается применительно к разным сферам дискурса. Так, значимую трактовку модуса времени как лингвистического феномена предложила Г. В. Калиткина, изучившая специфику его репрезентации в диалектном дискурсе [10, с. 65–76]. Автор характеризует модус времени как своеобразную «языковую картину мира» носителя определенной лингвокультуры, предполагающую грамматическую трихотомию «прошлое – настоящее – будущее». Рассматривается данное понятие и в контексте исследований художественного текста. В. Г. Силантьева также трактует модус времени как отражение языковой картины мира автора. К средствам репрезентации модусов времени она относит глагольную семантику, морфологию и временные наречия, отвечающие за локализацию события, а также ассоциативную структуру слова „время“» [11, с. 22–23]. Н. К. Шутая рассматривает время как модус личностного бытия героя художественного произведения, характеризующий определенного субъекта (персонажа, повествователя, автора). Согласно ее концепции, на специфику данного модуса могут указывать «временные понятия, модальные выражения и наречия со значением времени, а также выбор тех или иных форм вида и времени глагола, образы, так или иначе ассоциирующиеся со временем, замедление или ускорение ритма повествования» [12, с. 20].

Таким образом, опираясь на уже имеющиеся подходы к исследованию модуса времени как лингвистического понятия, в данной статье мы ставим целью выявить ключевые средства его языковой репрезентации в пространстве художествен-

ного текста, позволяющие сделать вывод о специфике авторской языковой картины мира, нашедшей отражение в анализируемых произведениях.

Материал и методы

В качестве материала исследования использованы произведения армянской русскоязычной писательницы Наринэ Абгарян: романы «Люди, которые всегда со мной» [13], «С неба упали три яблока» [14], «Симон» [15], а также сборник рассказов «Люди нашего двора» [16]. Ключевыми методами исследования являются метод контекстуального анализа и классический описательный метод, включающий приемы интерпретации, обобщения и классификации; используются также элементы статистического метода.

Результаты и обсуждение

Как показали наши наблюдения, в первую очередь модус времени в художественном тексте репрезентируют лексические единицы, составляющие «ядро» данного понятия, – собственно лексема «время», а также лексемы, обозначающие три базовые временные ипостаси – «прошлое», «настоящее» и «будущее». Кроме того, специфику авторского восприятия времени, авторскую картину мира, отраженную посредством модусов прошлого, настоящего и будущего, ярко демонстрируют и используемые в текстах рассматриваемых произведений темпоральные наречия. Далее представим основные результаты контекстуального анализа данных единиц.

Лексема «время». В произведениях Наринэ Абгарян значительное место отводится размышлениям о времени. По нашим наблюдениям, время в анализируемых текстах представляется с двух позиций – с одной стороны, с позиции своей неизменности, статичности, а с другой – с позиции движения, сменяемости. Покажем данное наблюдение на примерах.

Недвижимость времени подчеркивается за счет употребления таких глаголов, как «остановиться», «замереть», «дремать»: *С того дня **время остановилось**, словно растворилось с последней выпавшей песчинкой песочных часов* [15, с. 118]; *...где-то наверху, на самой верхней точке небесного купола, **замерло время*** [13, с. 136]; *Там, откуда ты родом, небо ниже гор, а в тени домов **дремлет время*** [16, с. 271]. В свою очередь, движение времени представляется по-разному. Оно может быть медленным, неспешным, почти замершим: ***Время тянется медленно*** [13, с. 226]; ***Время тянулось бесконечно долго, так долго, что казалось – замерло навсегда, захлопнув-закольевав будущее прошлым*** [13, с. 285]. И также оно может быть стремительным: *Вдохнула, прикрыла глаза и по-*

корно нырнула в омут воспоминаний. С ними **время летело незаметней** [14, с. 14]. При этом важно подчеркнуть, что, каким бы ни был характер движения времени, значимым для автора является другое – неизменное возвращение «к началу начал», т. е. к истокам, к своему прошлому и своей памяти: *У времени ход только вперед, но в самом деле это не так, ход у времени всегда к началу начал, туда, где, окуклившись, бытие обращается в небытие...* [16, с. 270]. Соответственно, родные места неизменно ассоциируются с неизменностью времени, сохранением обычаев и традиций: *Там, откуда ты родом, время все еще определяют по старинке* [16, с. 273]. Время приобретает философский смысл, становясь и для героев, и для самого автора значимым фактором, определяющим судьбы: *Магтахинэ выделили на приданое в два раза меньше всего, и украшений не золотых, а серебряных, но время все расставило по своим местам* [14, с. 25]; *Он успокаивал ее – не волнуйся, всему свое время, все будет* [15, с. 90]; *Всему свое место и предназначение. И время* [13, с. 80].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что время имеет очевидную ценность для авторской картины мира, становясь в некотором роде даже отдельным героем ее повествования. При этом различные авторские коннотации получают три базовые ипостаси времени – прошлое, настоящее и будущее.

Лексемы «прошлое», «настоящее», «будущее». Прошлое, настоящее и будущее являются тремя формами времени, следовательно, специфика репрезентации модуса времени обязательно будет находить отражение в употреблении соответствующих лексем. Важность обращения к истокам, «к началу начал» указывает на то, что первостепенное значение для авторской картины мира приобретает именно модус прошлого. Причем обращает на себя внимание разница восприятия прошлого героями произведений Н. Абгарян и отношения, выраженного непосредственно от лица автора. В первом случае модус прошлого имеет очевидно отрицательную окраску, герои пытаются забыть его, «оставить позади»: *Не хочу, чтобы хоть что-то напоминало мне о горьком прошлом* [15, с. 132]; *Внешне Сильвия выглядела спокойной и даже умиротворенной... оставив позади прошлое и никогда больше не намереваясь к нему возвращаться* [15, с. 35]; *Бениамин о прошлом никогда не упоминал и жену, однажды заикнувшись было о случившемся, жестко осадил – не бреди ран* [15, с. 104].

Автор, напротив, непосредственно указывает на важность прошлого: прошлое заслуживает того, чтобы его помнили: *Прошлое ведь не только живым нужно, говорит нани. Прошлое – путь к своей душе* [16, с. 272]; *Есть у меня странности, о*

которых никто, кроме близких, не знает. Я умею создавать в своей голове запахи и с их помощью вспоминать прошлое [13, с. 212]. Более того, Н. Абгарян в автобиографическом сборнике рассказов «Люди нашего двора» прямо говорит о желании вернуться в прошлое: *У всех есть неисполнимые мечты. Моя о том, чтобы вернуться в прошлое* [16, с. 269].

Из приведенных примеров видно, что модус прошлого имеет первостепенное значение в произведениях Н. Абгарян: даже будучи представленным в отрицательном плане как тяжелые воспоминания о пережитых событиях, к которым герои не хотят возвращаться, он все равно играет значимую роль, определяет поступки героев. В текстах, написанных от первого лица, автор четко указывает на ценность прошлого в своей жизни.

Что касается лексемы «будущее», репрезентирующей соответствующий модус, то она в анализируемых текстах употребляется значительно реже. При этом обращает на себя внимание преимущественно положительная коннотация: *Комсомолки голову всякой ерундой не забивают, они думают о светлом будущем страны* [15, с. 27]; *Они успели заново распланировать свое будущее, без колебаний забрав туда все, о чем раньше мечталось: трое детей, большой уютный дом, сто счастливых лет* [15, с. 129]. В большинстве примеров будущее представляется героям счастливым, светлым, полным надежд.

Наконец, модус настоящего в произведениях Н. Абгарян, как правило, дается в соотношении с модусами прошлого и будущего, что проявляется в использовании соответствующих лексических единиц: *Прошлое ранило, настоящее не исцеляло, а будущего для нее, скорее всего, и вовсе не существовало* [15, с. 36]; *Как будто ты попал в преисподнюю, где у тебя отняли все – прошлое, будущее, настоящее* [13, с. 320]. Таким образом, можно предположить меньшую значимость модуса настоящего в авторской картине мира, его репрезентацию в качестве «переходной ступени» от прошлого к будущему.

Частотность употребления лексем «прошлое», «настоящее» и «будущее» еще раз подтверждает вывод о первостепенной важности именно модуса прошлого, его текстообразующей роли. Прошлое, согласно позиции автора, является основой для настоящего и будущего.

Темпоральные наречия. Важную роль в репрезентации модусов времени играют и темпоральные наречия. В процессе анализа мы опирались на исследования Ф. И. Панкова, рассматривающего категорию наречной темпоральности в качестве особой структуры, ядро которой составляют сегменты кратности/однократности и протяженности време-

ни, а периферию – сегменты прошлого/настоящего/будущего и одновременности/разновременности [17, с. 162]. На основе его работы в исследуемых произведениях мы отобрали 17 темпоральных наречий, проанализировали 769 примеров их употребления и представили частотность употребления каждого темпорального наречия в процентном соотношении в виде диаграммы (рисунок).

Как показывают статистические данные, наиболее употребительными в произведениях Н. Абгарян являются темпоральные наречия «всегда», «иногда», «никогда», «сейчас». Однако если рассматривать их с позиции специфики репрезентации модусов времени, отражающих авторскую картину мира, то, по нашим наблюдениям, наиболее показательными, помимо наречия «никогда», будут не самые частотные единицы: «навсегда», «долго», «давно», «когда-то», «раньше», «когда-нибудь», «скоро». Далее представим их контекстуальный анализ.

Наречие «навсегда» указывает на несменяемость какого-то состояния, сохраняющегося отныне и до самого далекого будущего, на всю жизнь. В произведениях Н. Абгарян употребление этого наречия в первую очередь связано с концептом памяти, воспоминаний. С одной стороны, это указание на сохранение воспоминаний: *Прошло уже почти полвека, в жизни произошло много всего, что могло навсегда заслонить собой тот пронзительно-беззаботный день, но Сильвия запомнила его...* [15, с. 16]; *Она навсегда запомнила, как в тот злосчастный день Вардануш довела ее за руку до дома...* [15, с. 36]; *...море, плещущееся между скал, по дну которых змеилась крохотная горная речка, запомнилось ему навсегда* [15, с. 40]. С другой стороны, наречие «навсегда» указывает и на постоянное забвение: *Но то было в оны дни, давно и неправда, а теперь, забытая всеми и навсегда, деревня неприкаянно болталась, словно пустое коромысло, на плече Маниш-кара* [14, с. 23]. Приме-

чательно, что для героев произведений Н. Абгарян типичным является осознанное желание навсегда отказаться от болезненных воспоминаний, «заблокировать» их в памяти: *О сыновьях своих он никогда не вспоминал – запретил себе раз и навсегда, еле оправившись от той чудовищной боли, которую пережил, получив известие об их гибели* [14, с. 27]; *Он просто вычеркнул Его (Бога. – Ч. С.) из своей жизни – безвозвратно и навсегда* [13, с. 102]; *После смерти жены Григорий Семенович навсегда перебрался в гончарную – находится в доме, где не осталось ни одной родной души, было выше его сил* [13, с. 59].

Все приведенные примеры выражают отношение героев к памяти о прошлом, которая в данном случае ассоциируется со смертью, разлукой и болью. Именно поэтому герои навсегда отказываются от своих воспоминаний, пытаются оборвать связь с прошлым – данный факт репрезентирует модус прошлого, придавая ему отрицательную коннотацию.

Однако важно отметить, что употребление наречия «навсегда» в ассоциации с памятью может быть представлено не только в негативном ключе. Автор также подчеркивает и значимость сохранения светлых воспоминаний об ушедших близких, которые «остаются с нами навсегда»: *Все твои – в тебе, все твои – навсегда с тобой* [16, с. 266]; *...выпрямились и простерлись огромными крылами люди, которые ушли, но навсегда остались с ним* [13, с. 308]; *И ты стоишь у окна, неуязвимая, осененная присутствием тех, которые ушли, но навсегда остались с тобой* [13, с. 325].

Наречие «давно», согласно нашим наблюдениям, используется в таком же контексте, как и наречие «навсегда». Нередко с его помощью указывается, что какие-то события, предметы или люди уже преданы забвению: *Симон давно выкинул из головы историю, когда, будучи школьником, тихнул в бок щуплую глазастую девочку...* [15, с. 75]. При



Частотность употребления темпоральных наречий в произведениях Н. Абгарян

этом частотным оказывается и воскрешение в памяти событий прошлого, а следовательно, подчеркивается ценность воспоминаний: *Я обещала быть сегодня особенно послушной... возжусь на чердаке, перебираю старое, всеми давно уже забытое добро* [13, с. 211]; *Вспомнив тот давно забытый случай*, Элиза принялась нараспев рассказывать, как у нее от удара оборвалось дыхание и померкло в глазах... [15, с. 53]; Иногда, когда Василию хотелось *ощутить давно забытое чувство* счастья, он бережно, не дыша обходил стороной все, что ранило его до нескончаемой боли в сердце [14, с. 47].

В этом можно увидеть двойственность воспоминаний в картине мира героев Н. Абгарян: с одной стороны, как было показано выше, они нередко стремятся отказаться от болезненных, тяжелых воспоминаний, с другой – все же возвращаются к ним, поскольку то, что глубоко ранит, в то же время дарит и ощущение счастья. При этом модус прошлого, реализующийся посредством обращения к памяти героев, оказывается связанным с модусом настоящего – это проявляется, в частности, в сочетании разных темпоральных наречий (или сочетаний с темпоральным значением), например «давно» и «по сей день»: *Война давно уже осталась позади, но она по сей день отравляла им существование... фантомными болями* [13, с. 68] – то, что осталось в прошлом и давно забыто, так или иначе находит отражение в настоящем, влияя на состояние героев.

Наречие «долго», передающее инклюзивное предшествование действия настоящему моменту и содержащее указание на длительность действия, чаще всего используется в нашем материале для обозначения степени болезненности и продолжительности какого-либо прошлого переживания. Причем боль эта может быть разной, как физической, так и душевной. Частотным является использование наречия «долго» для обозначения болезней или смерти героев, а также причинения им увечий: *Она долго и выматывающе болела, а потом еще нудно восстанавливалась* [15, с. 73]; *Вера пролежала в температурном бреду долго*, не подпускала к себе никого, кроме мужа и Тamar, звала маму [13, с. 145]; *У нее еще долго ломило тело* – особенно к перемене погоды, и зрение пострадало от удара кулаком по голове [14, с. 18]; *Мать была на втором месяце беременности, слегла сразу после похорон, хворала долго*, выправилась только через полгода [14, с. 38]; *Умирала она долго и мучительно*, от какой-то неведомой болезни, медленно и неуклонно разрушавшей ее здоровье [14, с. 14]; *Гарегина убили нечеловечески жестоко* – избили до полусмерти, *долго пытали*, а потом кинули в яму с мазутом [13, с. 117].

Столь же частотным указанием и на длительность душевных переживаний героев: *Но совсем отгородиться от воспоминаний не получалось, они неминуемо всплывали из водоворота прошлого и долго потом терзали его своими ранящими душу подробностями* [14, с. 41]; *Марья, доведенная пьянками мужа до отчаяния, срывалась, устраивала скандалы – с криками, со слезами, потом долго приходила в себя* – ныло и болело сердце [13, с. 68]. По нашим наблюдениям, мучительность как физического, так и эмоционального состояния также нередко усиливается за счет использования наречий меры и степени: *Василий оплакивал ее, мучительно долго* привыкая к душевной тишине, разлившейся вязкой тиной по дому [14, с. 26]; *Рана заживала долго и мучительно*, гноилась и кровила [14, с. 27]; *Ворвавшиеся в дом турецкие солдаты зарубили ятаганами отца Овакима, утащили куда-то за дом и долго, невыносимо долго истязали мать* [13, с. 100].

Из этого можно заключить, что, в отличие от наречий «навсегда» и «давно», отражающих как отрицательные, так и положительные коннотации модуса прошлого, наречие «долго» передает именно отрицательную оценку.

Наречие «никогда», по нашим наблюдениям, также в первую очередь передает негативные коннотации модуса прошлого. Например, оно используется, когда речь идет о тяжелых условиях жизни героев: *С жильем Мелькумовым не повезло – крохотных размеров, угловая, сырая комната никогда не видела солнечного света* [13, с. 50]; *Жили они бедно, денег почти никогда не хватало* [13, с. 37]; *Урожай на клочке земли у реки никогда не созревал* – его подворовывала вечно голодная детвора [13, с. 118]. Кроме того, наречие «никогда» отражает необратимость произошедшего, в частности необратимость травм прошлого: *Годы голода зияли в памяти Василия черным провалом... от чего потом никогда уже невозможно будет оправиться* [14, с. 41]. Личные эмоции автора – легкая грусть – чувствуются в тех моментах, когда речь заходит о невозвратности самого прошлого: *Это очень старый платок, таких сейчас не делают и никогда уже не будут делать* [13, с. 198]; *Она вела свою мать туда... где каждый оборот скрипучего колеса деревенской арбы рассказывал о том, что было и чего уже никогда не вернуть* [13, с. 286]. Это в очередной раз подтверждает первостепенность модуса прошлого в произведениях Н. Абгарян, его ключевую роль в организации повествования. Употребление наречия «никогда» отражает и другой важный мотив ее творчества, о котором уже говорилось ранее, – ценность традиций, их значимость и неизменность: *В этом забытом богом крае меняются времена, эпохи, люди, но традиции и нравы не меняются никогда* [13, с. 151].

Наречия «когда-то» и «раньше» обозначают отступ назад во времени, в анализируемом материале они обычно используются для того, чтобы обозначить противопоставление прошлого и настоящего: *Теснимые набегами тюркских племен, они стягивались к единственному непокоренному бастиону – восточному осколку **когда-то огромной и могучей** Великой Армении – Нагорному Карабаху* [13, с. 5]; *Западные берега **когда-то могущественной**, а потом на долгие столетия лишенной независимости Армении омывали моря крови, на востоке творились не менее жуткие дела* [13, с. 270]; *Но старые бердцы обходили его стороной – **раньше тут стояла каменная церковь**, которую в 1934 году снесли большевики* [13, с. 102].

Из приведенных примеров видно, что время, с позиции автора, – это разрушительная сила. Все исторические события, описываемые Наринэ Абгарян, несут разрушения и гибель, потерю былой красоты и могущества.

Автор также описывает переход от «ничего» к «существованию», от «потерянного» к «найденному», что говорит о возможности лучшего будущего, противопоставленного тяжелому прошлому: *И вновь появился на ладони мира **стертый когда-то до основания горорок Берд**, названный в честь старой полуразрушенной крепости, что возвышалась на вершине рыжей горы* [13, с. 6]; ***Раньше это был ни к чему не пригодный клочок земли**, но Амаяк очистил его от камней, навез благодатной почвы, посадил деревья* [13, с. 112]. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о положительной авторской оценке модуса будущего.

Наречие «когда-нибудь» семантически схоже с наречием «когда-то», выражая неопределенное время, при этом относится к модусу будущего, а не к модусу прошлого: *Надежды на то, что **жизнь когда-нибудь изменится к лучшему**, никто из марапцев не лелеял* [14, с. 20]; *Людей временно расселяли по деревням и селам, обнадеживая обещанием, что **когда-нибудь они вернутся** в свои утраченные дома* [13, с. 121]; ***Когда-нибудь я вернусь** сюда навсегда* [16, с. 286]. Такую же роль – репрезентацию модуса будущего – выполняет и **наречие «скоро»**: *Но Анатолия не унывала: жизнь везде пробьет себе дорогу, **скоро родится новое поколение детей**, и все вернется на круги своя* [14, с. 15]; ***Скоро весна, голод отступит, люди перестанут умирать*** [14, с. 44]. Данные примеры дают возможность говорить о неоднозначности оценки мо-

дуса будущего: тяжелое прошлое и настоящее затрудняет и веру в лучшее будущее, однако герои произведений Н. Абгарян все же сохраняют эту надежду.

Таким образом, можно заключить, что большинство темпоральных наречий в проанализированных текстах репрезентируют модус прошлого, причем чаще в негативном ключе (тяжесть воспоминаний, физические и душевные травмы, необратимость произошедшего в жизни героев). Модус настоящего посредством данных языковых единиц выражен слабо, обычно он представлен только в соотношении с прошлым, демонстрируя связь прошлого с настоящим. Более употребительными оказываются наречия, репрезентирующие модус будущего, и здесь положительная оценка оказывается уже более частотной, нежели отрицательная. Модус будущего связывается с надеждой на счастье и преодоление трудностей, на возможность избавления от травмирующего прошлого опыта и начала лучшей жизни.

Заключение

Обобщая все вышесказанное, мы можем заключить, что изучение модусов времени следует рассматривать в качестве актуального и перспективного направления лингвистических исследований. Как показали результаты анализа модуса времени на пространстве художественного текста, специфика его языковой репрезентации непосредственно и явно отражает ключевые особенности авторской картины мира. Так, мы определили, что в произведениях Н. Абгарян время играет первостепенную роль, в некоторых моментах становясь даже полноправным героем повествования. Ключевым при этом является модус прошлого: именно оно определяет судьбу человека, его настоящее и будущее, даже несмотря на то что во многих случаях воспоминания о прошлом причиняют страдания. Безусловно, не игнорируются автором и модусы настоящего и будущего: вместе с модусом прошлого они представляют непрерывное течение времени, жизнь с ее горестями и радостями. Отмеченные языковые средства репрезентации модусов времени – «ядерные» лексемы «время», «прошлое», «настоящее» и «будущее», а также темпоральные наречия, очевидно, не составляют исчерпывающего списка, что обуславливает перспективу дальнейших исследований данной темы.

Список источников

1. Модусы времени // Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (дата обращения: 25.12.2023).
2. Медова А. А. Сознание в модусе времени. М.: Nota Bene Медиа Трейд, 2014. 220 с.
3. Силласте Г. Г. Кризисы в модусах времени и его социальные уроки // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 17, № 1. С. 45–59.

4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 412 с.
5. Шмелева Т. В. Модус и его средства выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 168–202.
6. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: сб. науч. тр. / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2008. С. 140–151.
7. Гак В. Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте: сб. ст. / под ред. И. П. Сусова. Калинин: Изд-во КГУ, 1978. С. 19–26.
8. Копытов О. Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
9. Кобрин О. А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 70–74.
10. Калиткина Г. В. Модусы времени в текстах диалектного дискурса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 65–76.
11. Силантьева В. Г. Модусы времени в модернистском нарративе (на материале англоязычной прозы XX века): дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 197 с.
12. Шутая Н. К. Время как модус личностного бытия героя // European science. 2015. № 5 (6). С. 20–22.
13. Абгарян Н. Люди, которые всегда со мной. М.: АСТ, 2014. 316 с.
14. Абгарян Н. С неба упали три яблока. М.: АСТ, 2015. 280 с.
15. Абгарян Н. Симон. М.: АСТ, 2020. 146 с.
16. Абгарян Н. Люди нашего двора // Люди нашего двора. М.: АСТ, 2021. С. 265–285.
17. Панков Ф. И. Наречная темпоральность и ее речевые реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 20 с.

References

1. Modusy vremeni [Time modes]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia] (in Russian). URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (accessed 11 May 2023).
2. Medova A. A. *Soznaniye v moduse vremeni* [Consciousness in the mode of time]. Moscow, Nota Bene Media Trade Publ., 2014. 220 p. (in Russian).
3. Sillaste G. G. Krizisy v modusakh vremeni i yego sotsial'nyyye uroki [Crises in the modes of time and its social lessons]. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanities of the South of Russia*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 45–59 (in Russian).
4. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1955. 412 p. (in Russian).
5. Shmeleva T. V. Modus i yego sredstva vyrazheniya v vyskazyvanii [Mode and its means of expression in an utterance]. *Ideograficheskiye aspekty russkoy grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar]. Moscow, MSU Publ., 1988. Pp. 168–202 (in Russian).
6. Shmeleva T. V. Modal'nost' i modus [Modality and mode]. *Modal'nost' v yazyke i rechi: novyye podkhody k izucheniyu: sbornik nauchnykh trudov. Pod red. S. S. Vaulinoy* [Modality in language and speech: new approaches to the study: a collection of scientific works. Ed. S. S. Vaulina]. Kaliningrad, 2008. Pp. 140–151 (in Russian).
7. Gak V. G. O kategoriakh modusa predlozheniya [On the categories of sentence modus]. *Predlozheniye i tekst v semanticheskom aspekte. Sbornik statey. Pod red. I. P. Susova* [Proposal and text in the semantic aspect: collection of articles. Edited by I. P. Susov]. Kalinin, KSU Publ., 1978. Pp. 19–26 (in Russian).
8. Kopytov O. N. Kontseptsiya modusa na prostranstve teksta i yego vozmozhnosti dlya issledovaniya mediateksta [The concept of mode in the text space and its possibilities for the study of media text]. *Medialingvistika – Media Linguistics*, 2015, no. 4 (10), pp. 69–82 (in Russian).
9. Kobrina O. A. Spetsifika kommunikativnoy kategorii modusa [Specificity of the communicative category of mode]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 1 (26), pp. 70–74 (in Russian).
10. Kalitkina G. V. Modusy vremeni v tekstakh dialektnogo diskursa [Time modes in dialect discourse texts]. *Tekst. Kniga. Knigoizdaniye – Text. Book. Publishing*, 2014, no. 3 (7), pp. 65–76 (in Russian).
11. Silant'yeva V. G. *Modusy vremeni v modernistskom narrative (na materiale angloyazychnoy prozy XX veka)*. Dis. kand. filos. nauk [Modes of Time in the Modernist Narrative (on the Material of English Prose of the 20th Century). Diss. cand. philos. sci.]. Saint Petersburg, 2017. 197 p. (in Russian).
12. Shutaya N. K. Vremya kak modus lichnostnogo bytiya geroya [Time as a mode of the hero's personal existence]. *European science*, 2015, no. 5 (6), pp. 20–22 (in Russian).
13. Abgarian N. *Lyudi, kotoryye vseгда so mnoy* [People who are always with me]. Moscow, AST Publ., 2014. 316 p. (in Russian).
14. Abgarian N. *S neba upali tri yabloka* [Three apples fell from the sky]. Moscow, AST Publ., 2015. 280 p. (in Russian).
15. Abgarian N. *Simon* [Simon]. Moscow, AST Publ., 2020. 146 p. (in Russian).
16. Abgarian N. *Lyudi nashego dvora* [People of our yard]. Moscow, AST Publ., 2021. Pp. 265–285 (in Russian).

17. Pankov F. I. *Narechnaya temporal'nost' i yeyo rechevyye realizatsii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Adverbial temporality and its speech implementations. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 1996. 20 p. (in Russian).

Информация об авторах

Чжао Ситун, аспирант, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).

E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

Кормазина О. П., кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).

E-mail: kormazina.op@dvfu.ru

Information about the authors

Zhao Xitong, postgraduate student, Far Eastern Federal University (p. Ayaks, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

Kormazina O. P., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (p. Ayaks, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

E-mail: kormazina.op@dvfu.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; принята к публикации 24.05.2024

The article was submitted 20.02.2024; accepted for publication 24.05.2024